

УДК 801.73

О СПОСОБАХ МАНИПУЛЯТИВНОЙ ДИСКРЕДИТАЦИИ ОППОНЕНТА В СМИ

Ольга Евгеньевна Фролова

д. филол. н., заведующий лабораторией фонетики и речевой коммуникации

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

129164, г. Москва, проспект Мира, 118, кв. 43. olga_frolova@list.ru

В статье на примере программы М. Веллера, посвященной У. Эко, рассматриваются способы манипулирования адресатом, направленные на изменение оценки объекта с положительной на отрицательную. Адресант, анализируя научное наследие У. Эко, стремится показать несостоятельность научной терминологии: ее избыточность, многозначность и необязательность. Описывая экстралингвистическую ситуацию, автор интерпретирует событие или явление с присущим им комплексом признаков как цепь изолированных ситуаций.

Ключевые слова: манипуляция; коммуникативная цель; дискредитация; выбор средств выражения; термин; экстралингвистическая ситуация.

Отказ адресанта от партнерских отношений с адресатом выражается, в частности, в манипуляции читателем или слушателем. Под манипуляцией мы вслед за Г.А. Копниной понимаем «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина 2007: 25]. При этом коммуникативное намерение манипулятора устроено сложно, имеет глубинный и поверхностный уровни, о чем осведомлен адресант. Адресант же остается в убеждении, что иллюзия говорящего одномерна. Подлинная цель говорящего остается скрытой, адресант считывает только поверхностное коммуникативное намерение и полагает свои отношения с адресантом равноправными, в то время как манипулятор находится в иерархически более высокой позиции. В некотором смысле манипуляция сближается с провокацией, поскольку одной из целей адресанта является побудить своего собеседника к действиям, которые не являются ни вполне осознанными, ни вполне добровольными [Иссерс 2009].

Психологи Э. Берн и Э. Шостром писали о манипуляции в связи со скрытым управлением людьми и практикой психотерапии [Берн 2014; Шостром 2008: электр. ресурс; см. также: Доценко 1997]. В лингвистической литературе проблемы некорректного воздействия на адресата рассматривались в различных аспектах в работах Д. Болинджера, Х. Вайнрайха, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Ю.И. Левина, Т.М. Николаевой,

Г.А. Копниной, П.Б. Паршина и др. (см. [Болинджер 1987; Вайнрайх 1987; Копнина 2007; Лакофф, Джонсон 1987; Левин 1998; Николаева 2000; Паршин: электр. ресурс]).

Целью манипуляции является изменение когнитивной картины мира адресата: перемена оценки ситуации адресатом с отрицательной на положительную или же, наоборот, – с положительной на отрицательную; в последнем случае мы имеем дело с манипулятивной дискредитацией. Под манипулятивной дискредитацией мы понимаем негативную оценку говорящим того или иного явления, выраженную особыми языковыми средствами при эллипсисе модусных рамок, что ведет к деформации денотативной ситуации.

Рассмотрим приемы подобной дискредитации на примере программы Михаила Веллера «Подумать только», которая вышла на радиостанции «Эхо Москвы» и была посвящена анализу творчества Умберто Эко и его лекции «14 признаков фашизма». Материалом является расшифровка передачи, выложенная на сайте радиостанции [Веллер: электр. ресурс].

Российский публицист прибегает к нескольким приемам, в которых можно усмотреть манипулятивную природу:

- а) некорректной таксономии,
- б) дискредитации терминологии,
- в) представлению недискретной экстралингвистической ситуации как дискретной.

Рассмотрим сначала средства выражения, используемые М. Веллером. К дискредитирующей

таксономии мы относим данные М. Веллером характеристики У. Эко:

(1) *ушла очень крупная фигура в последней трети 20-го века, писатель, философ, ученый, в чем-то идеолог западной либеральной культуры синьор Умберто Эко – весть об этом пришла вчера – на 85-м году жизни после рака. Ну достойный человек. Много повидал, много сделал. Несколько слов о нем неизбежно, потому что Умберто Эко стал широко известен в мире, тогда еще в Советском Союзе, после романа «Имя розы», который, будучи по форме эдаким средневековым монастырским детективом, на самом деле имел внутри себя массу ходов и отсылов. Он был постмодернист. Еще Умберто Эко занимался семиотикой много и плодотворно¹.*

Показателен порядок номинаций, касающихся У. Эко, выстроенный М. Веллером: *писатель, философ, ученый, в чем-то идеолог западной либеральной культуры*. На первом месте стоит существительное *писатель*. Для М. Веллера именем класса является существительное *постмодернист*, слово *ученый* стоит на третьем месте, термин *семиотика* обозначает дополнительную сферу интересов, о чем свидетельствует наречие *еще*. Сравнивая данные статей в энциклопедических словарях, посвященных У. Эко, получаем качественное расхождение: «итальянский учёный, философ, специалист по семиотике и средневековой эстетике, теоретик культуры, литературный критик, писатель, публицист» [Эко, Умберто: электр. ресурс]; «ученый, писатель» [БЭС 1997: 1393]. В обоих энциклопедических источниках на первом месте стоит существительное *ученый*, результатом деятельности которого является верифицированное знание.

На наш взгляд, мы сталкиваемся с попыткой говорящего с помощью таксономической предикации внести коррективы в денотативную ситуацию, поскольку М. Веллер заменяет основную сферу деятельности У. Эко – науку, предполагающую достижение знания и верификацию результатов, художественным творчеством, которое отражает субъективную точку зрения писателя и создает вымышленный, фикциональный мир, принципиально не проверяемый на истинность/ложность.

Дискредитация научной терминологии проявляется у М. Веллера многогранно, через негативную оценку а) многозначности терминов, б) избыточности терминологической номинации, в) сторонников употребления термина, г) расширении предмета той или иной области научного знания, д) интерпретации денотата.

М. Веллер довольно пространно рассуждает о терминах *постмодернизм*, *коннотация* и *семиотика*.

(2) *Что значит постмодернизм – даже не задавайтесь этим вопросом, потому что существует минимум 7–8 значений, и те, кто придерживается одного значения, не согласны с остальными семью. Одни пытаются подчеркивать, что постмодерн и постмодернизм – это не одно и то же, что ему свойственно одно и свойственно другое; что постмодернистская французская философия и постмодерн в литературе – это не одно и то же и так далее. Что важно для нас? Первое: постмодернизм в одном из своих значений занимается массовыми литературными отсылками, аллюзиями.*

В примере (2) видно, что М. Веллер сразу указывает на полисемию термина, которая делает практически невозможным его понимание неспециалистами, однако автор передачи замечает, что нет единства в понимании термина даже среди профессионалов.

(3) *И как только ты куда-то втыкаешь слово «коннотации» вместо, допустим ассоциативных смысловых рядов или чего-то еще, потому что слово «смысл» и слово «ассоциации» в русском языке, так же как и в других, давно устоялись, а «коннотация» – это сравнительное, понимаете, изобретение. Я не люблю слово «коннотации», потому что уже несколько десятилетий, как образованщина решительно заменила большинству так называемых ученых ум.*

Что касается термина *коннотация*, он представляется М. Веллеру излишним, ибо автор ошибочно сближает его с термином *смысл*. Вошедший в логику, а затем в середине XX в. и в лингвистику, термин *коннотация*, вопреки утверждениям М. Веллера, не является новым (см., например: [Ревзина 2001]). Слово *коннотация* не представлено в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова [Ушаков 1996], в МАС [МАС], а также в Толковом словаре иноязычных слов Л.П. Крысина [Крысин 1998], однако включено в Лингвистический энциклопедический словарь [ЛЭС 1990]. ЛЭС дает следующую дефиницию коннотации – «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы» [там же: 236]. Кроме того, слово уже отражено в БТС с пометой *лингв.*, т. е. оно сохраняет стилистическую окраску термина: «*лингв.* Дополнительное, сопутствующее смысловое приращение языковой единицы» [БТС 2002: 449]. Включение слова в БТС, на наш взгляд, свидетельствует о том, что оно перестает быть достоянием исключительно лингвистов. Дискредитация и термина, и его адептов М. Веллером выражается в употреблении отрицательно маркированного слова *образованщина*, введенного в обиход А. Солженицыным в его статье, опубликованной в сборнике 1974 г. «Из-под глыб» [Солженицын 1974: электр. ресурс].

(4) Еще Умберто Эко занимался семиотикой много и плодотворно. <...> В общем, это наука о знаковых системах, где любая знаковая система передает истинные смыслы и значения чего-то такого совершенно реального. То есть любая наука о знаках, передающих смысл какого-то явления, изучается семиотикой. В этом плане язык – это, конечно, категория семиотическая.

Так вот, что касается семиотики, вдруг товарищи постмодернисты – не они правда, первые – занялись тем, что поставили язык во главу угла и стали рассматривать: литературу как текст, личность как текст, жизнь как текст, бытие как текст. Если начать разбираться, это восходит к доброму классическому идеализму, это восходит – Шопенгауэр тут не первый, – но к тому же старому доброму Шопенгауэру, который говорил, что, поскольку мы имеем дело не с явлениями, а с нашими представлениями о них, то всякая честная философия неизбежно должна быть идеалистической.

Вот и эти ребята, поскольку, они полагают, что мы имеем дело не с предметами, а с какими-то сигналами, от них исходящими, световыми волнами, акустическими волнами, которые мы воспринимаем – эти знаки и знаковые системы – через свои органы чувств, то мы, употребляя слово «текст» в широком смысле все существующее можем считать текстом, знаковой системой. В этом есть свой смысл. Но насколько это плодотворно и зачем все изучать под этим углом зрения? Не знаю, не знаю. Открытия делаются не здесь, мир переворачивается не здесь, но, тем не менее, что было то было.

В примере (4) М. Веллер, говоря о семиотике, вспоминает Ч. Пирса, однако приписывает языку как знаковой системе способность передавать истинностные смыслы и значения чего-то реального. Однако мы знаем, что знаки языка лишены такой функции, истинность или ложность являются характеристикой не слова, а высказывания. Далее, отказывая семиотике в расширительном понимании термина «текст», М. Веллер не упоминает ни французскую семиотическую традицию [Французская семиотика 2000], ни работы Ю.М. Лотмана [Лотман 1970, 2000, 2002] по семиотике литературы и культуры, в которых подробно разработан подобный подход. Упрек в идеализме также не вполне обоснован, поскольку сфера значений ни в коем случае не является материальной.

Применительно к денотативной ситуации, описываемой термином *постмодернизм*, М. Веллер отталкивается от отрицательной оценки самого явления. Негодный в силу своей многозначности термин описывает упадок культуры.

(5) В общем-то слово «постмодернизм» для этого необязательно, но, как давно отмечено серьезными теоретиками, историками литературы, когда цивилизация находится на спаде, когда ее культура схлопывается, то появляются такие произведения

коллажи, произведения, которые слеплены из разнообразных цитат. То есть ничего формального нового, какого-то открытия по взлому культура, в частности, литература, дать уже не может, но зато может слепить что-то такое эдакое из того, что было. Это еще не худший вариант, потому что, когда идет контрлитература... Ну это мы уже вышли за поставленные себе рамки.

Мы должны сделать важную, с нашей точки зрения, оговорку: мы различаем термины *денотативная* и *экстралингвистическая ситуация*: первый мы употребляем применительно к номинативной функции слова, а второй к референции высказывания.

Интерпретацию экстралингвистической ситуации проследим на примере лекции, прочитанной У. Эко в Колумбийском университете. Публикация в Интернете сопровождается следующим комментарием: *Умберто Эко составил список из 14 типичных характеристик «вечного фашизма» (ур-фашизма). Если в обществе наблюдается 6–7 признаков из этого списка, то оно близко к наступлению фашизма (далее всё покатится как снежный ком)* [Умберто Эко: 14 признаков фашизма: электр. ресурс].

В своей лекции У. Эко выстраивает 14 взаимосвязанных, системных, признаков состояния общества, присущих фашизму: «1) культ традиции, отказ от развития знания; неприятие модернизма, 2) культ действия ради действия, 3) несогласие как предательство, 4) несогласие как знак инаковости, 5) опора на фрустрированные средние классы, 6) идея заговора, 7) колебания врагов от силы к слабости, 8) трактовка жизни как борьбы, 9) презрение к слабому, 10) культ смерти, 11) перенесение власти на половую сферу, 12) популизм, 13) отказ от парламентских демократий, 14) новояз» [там же].

М. Веллер недискретную ситуацию, проанализированную У. Эко, представляет дискретно как цепь ситуаций. М. Веллер рассматривает каждый из признаков изолированно, меняя статус признака на статус ситуации:

(6) Так вот, первой характеристикой ур-фашизма является культ традиций. Вы знаете, традиции и новации свое место. Что такое культ, сказать трудно. Но следуя этому первому из принципов Умберто Эко ур-фашизма, все и всегда были фашистами, потому что культ традиций существовал всегда и у всех в той или иной степени. <...> Поэтому говорить, что отрицание традиций, это значит, против фашизма – это все совершенно несерьезно. Другое дело, что нельзя по-прежнему на пальмах висеть на хвостах, потому что такова была традиция наших далеких предков обезьян, если следовать эволюционному учению Дарвина. Но, вы знаете, традиции, они, конечно, остаются.

Автор передачи отказывается от описания конкретной исторической обстановки и апеллирует к истокам человеческой цивилизации, упоминая обезьян как ближайших предков человека, кроме того в аргументации М. Веллера появляются кванторы общности. Тяготение к ним при построении генерализованных высказываний прослеживается также в других примерах.

(7) *«Ур-фашизм рождается из индивидуальной или социальной фрустрации». Фрустрация по-простому – это неудовлетворенность, когда человек или группа не могут удовлетворить свои потребности. Например, хотят стать богатыми и не могут, значит, они фрустрированы. Тогда все фрустрированы! Потому что никто не доволен до конца и на сто процентов своим положением.*

В примере (7) М. Веллер вновь прибегает к квантору общности, выраженному местоимением *весь*. В рассуждениях публициста можно также усмотреть попытку переноса предмета речи из социального плана в индивидуально-психологический, поскольку практически у каждого человека есть повод для недовольства и некая зона недостижимых желаний.

В примере (8) М. Веллер выстраивает конструкции с модальностью нереализованного условия, которые не подлежат верификации.

(8) *«Для ур-фашизма нет борьбы за жизнь, а есть жизнь ради борьбы». Да нет, вы знаете. Когда возникали эти движения – хоть в Италии, хоть в Германии – речь шла, вообще, о выживании нации, народа, культуры. Другое дело – какими средствами, под каким соусом. Но не борьба ради борьбы, а именно борьба за жизнь, потому что, если бы ничего не грозило, если бы Германия не была унижена, раздавлена, оскорблена Версальским миром, не было бы там никакого национал-социализма.*

Обобщения автора передачи, выраженные с помощью местоимений *всякий, каждый, весь*, выводят его контраргументы из координат конкретной исторической ситуации (9).

(9) *«Всякого и каждого воспитывают, чтобы он стал героем». Вы знаете, это, получается, что когда – всегда – во всех странах всех мальчиков (девочки – отдельно) воспитывали на образцах героизма, храбрости, мужества и преданности родине – из них воспитывали фашистов.*

Далее М. Веллер, раздробив экстралингвистическую ситуацию на цепь ситуаций, вновь собирает их и делает вывод, как он полагает, разби- вающий построения У. Эко. Показательно, что в примере 10 употреблен модусный предикат, выраженный глаголом *верить*, также не предполагающим верификации. Представленный У. Эко комплекс признаков фашизма М. Веллер интерпретирует как мнение, свои же аргументы как

знание. Противопоставление мнения и знания выражено конструкцией *на самом деле*.

(10) *Значит, собрать все вместе – и получается ур-фашизм. Не верьте этому всему. Всё это на самом деле обстоит решительно иначе при нашем огромном уважении к Умберто Эко и светлой его памяти.*

Итак, дискредитирующая манипуляция выражается на сигнификативном и денотативном уровнях. Манипуляцию можно усмотреть в том, что говорящий в своей аргументации стремится представить мнение как знание, т. е. субъективное оценочное суждение пытается показать как объективное утверждение, проверяемое на истинность/ложность. Кванторные слова *всякий, каждый, весь* и *всегда* позволяют создать генерализованное высказывание, уйти от конкретного исторического контекста, переосмыслить категорию времени и переключить внимание адресата.

Примечание

¹ Здесь и далее в примерах сохраняется орфография и пунктуация источника.

Список словарей с сокращениями

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

БЭС – Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 1997. 1408 с.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 1998. 847 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

МАС – Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Т. 1–4.

Ушаков – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. М., 1996.

Список литературы

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2014. 1224 с.

Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия / сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 23–43.

Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия / сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина; ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 44–87.

Веллер М. Подумать только: выпуск от 21.02.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://echo.msk.ru/programs/just_think/1716270-echo (дата обращения: 12.09.2016).

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо: Изд-во МГУ, 1997. 344 с.

Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2(18). С. 92–104.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие. М.: Наука: Флинта, 2007. 176 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия / сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 126–172.

Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 594–605.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 284 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера: Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Акад. проект, 2002. 543 с.

Николаева Т.М. «Лингвистическая демагогия» – мощное средство убеждения коммуниканта // Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 155–161.

Паришин П.Б. Речевое воздействие // Кругосвет: Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html?page=0,4 (дата обращения: 10.10.2016).

Ревзина О.Г. О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: сб. науч. статей к 80-летию профессора К.В. Горшковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 436–446.

Солженицын А. Образованщина // Из-под глыб: сб. ст. Париж: Библиотека «Въхи», 1974. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/10.html> (дата обращения: 10.10.2016).

Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / авт.-сост. Г.К. Косиков. М.: Прогресс, 2000. 536 с.

Шостром Э. Человек-манипулятор: Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. М., 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/shost01> (дата обращения: 09.10.2016).

Умберто Эко: 14 признаков фашизма // Толкователь: толкучка мыслей, фактов и суждений. 13.05.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://ttolk.ru/?p=20577> (дата обращения: 07.10.2016).

Эко, Умберто // Википедия: свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BA%D0%BE,%D0%A3%D0%BC%D0%B1%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%BE> (дата обращения: 07.10.2016).

SOME TECHNIQUES OF MANIPULATIVE DISCREDITATION OF AN OPPONENT IN MASS MEDIA

Olga E. Frolova

Professor, Head of Phonetics and Speech Communication Laboratory
Lomonosov Moscow State University

The paper discusses some techniques of manipulating the addressee aimed at changing his/her estimation from positive to negative illustrated by the example of the M. Veller program devoted to U. Eco. While analyzing U. Eco's scientific heritage, the manipulator tries to prove the inadequacy of scientific terminology: its redundancy, ambiguity, and unreliability. Describing the extra linguistic situation the journalist interprets an event or phenomenon together with a peculiar set of its complex signs as a chain of isolated situations.

Key words: manipulation; communicative purpose; discreditation; the choice of means of expression; extralinguistic situation; a term; extralinguistic situations.